

Троице-Сергиев монастырь: вклады русских государей

прот. Ростислав Ярема

Храм Живоначальной Троицы, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5363-5884

prot.rostislav@gmail.com

rev. R. Yarema, *The Trinity Lavra of St. Sergius: the contributions of the Russian Sovereigns*, Elpis, 22 2020: 79-86.

ks. R. Yarema, *Lawra Świątej Trójcy i Sergiusza: wkład rosyjskich władców*, Elpis, 22 2020: 79-86.

Abstract: This article reveals the contribution of the Kingdom to the Holy Trinity Sergius Lavra through the prism of personal relations between the Orthodox Church and the highest state authorities, and thus reveals the role of the Emperors and the Church in the history of Russian art, as well as in the preservation of Russian national culture and identity. Russian monarchs' pilgrimage and contribution to the monastery of St. Sergius of Radonezh is considered an important factor in strengthening ties between the Russian Orthodox Church and the Monarchy, as well as the entire Russian society, supporting its national idea. Russian art was formed in the spiritual paradigm of Christianity, immediately after the adoption of the unified faith (unity of faith) up to the seventeenth century. The analysis of gifts and contributions, as well as their artistic value, allows to conclude that the contributions of the sovereigns constitute the summit of achievements of modern Russian art culture. From this point of view, the Church, in particular the Holy Trinity St. Sergius Lavra, against the background of known political upheavals in the country in the twentieth century, became the keeper of an invaluable cultural and artistic treasury and spiritual core of Great Russia, showing not only a model of serving the Orthodoxy, its people and country, but also a saving perspective for the Russian State of historical survival in the new epoch.

Streszczenie: Artykuł pokazuje wkład carów w rozwój Ławry Troicko-Siergijewskiej poprzez osobiste relacje między Kościołem Prawosławnym, a najwyższą władzą państwową. Tym samym ujawnia wkład Imperatorów i Kościoła w historię sztuki i kultury oraz w zachowanie rosyjskiej kultury i tożsamości narodowej. Pielgrzymki i dary rosyjskich władców dla monasteru św. Sergiusza z Radoneża są oceniane jako ważny czynnik wzmacniający więzi między Rosyjską Cerkwią Prawosławną a Monarchią, a także całością rosyjskiego społeczeństwa, wspierającego jej ideę narodową. Biorąc pod uwagę fakt, że sztuka rosyjska kształtowała się w duchowym paradygmacie chrześcijaństwa, od momentu przyjęcia jedynej wiary (ros. *edinoverie*), aż do XVII wieku, analiza darów oraz ich wartości artystycznej pozwala wnioskować, że stanowią one szczyt dorobku współczesnej sztuki rosyjskiej. Z tej perspektywy Kościół, a w szczególności Ławra Troicko-Siergijewska, w czasach przewrotów politycznych XX wieku w Rosji stała się opiekunem bezcennego skarbcza kultury i sztuki oraz duchowego jądra Wielkiej Rosji, będąc nie tylko wzorem służenia ideałom Prawosławia, swemu narodowi i państwu, ale także zbawczą dla Państwa Rosyjskiego perspektywą rosyjskiego historycznego przetrwania w nowej epoce.

Аннотация: Эта статья раскрывает сквозь призму личных отношений между Православной Церковью и высшими государственными властями вклад Царства в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и тем самым раскрывает роль Императоров и Церкви в истории русского художественного искусства, культуры, а также в деле сохранения русской национальной культуры и самобытности. Паломничество и вклад русских государей в монастырь преподобного Сергия Радонежского оцениваются как важный фактор укрепления связей между Русской Православной Церковью и Монархией, а также всего российского общества, поддерживая его национальную идею. Анализ даров и вкладов, а также их художественной ценности, учитывая тот факт, что русское искусство сформировалось в духовной парадигме христианства, сразу после принятия единой веры (единоверия) и вплоть до семнадцатого века, позволяет делать вывод о том, что вклады суверенов составляют саммит достижений современной русской художественной культуры. С этой точки зрения Церковь, в частности Свято-Троицкая Сергиева Лавра, на фоне известных политических потрясений в стране в XX веке стала хранителем бесценной культурно-художественной сокровищницы и духовного ядра Великой Руси, показывая не только образец служения идеалам православия, своему народу и стране, но и спасительную для Государства Российского перспективу исторического выживания в новую эпоху.

Keywords: the relationship between the Russian Church and state, the Trinity Lavra of St. Sergius, historical donations to the church, the contributions of Russian sovereigns, Russian Applied Arts

Słowa kluczowe: związek między Kościołem rosyjskim a państwem, Ławra Trójcy Świątej św. Sergiusza, historyczne darowizny na rzecz kościoła, zasługi władców rosyjskich, rosyjska sztuka użytkowa

Ключевые слова: взаимоотношения Русской Церкви и государства, Троице-Сергиева Лавра, исторические пожертвования церкви, вклады русских государей, русское прикладное искусство

Historia monarchich wkładov v Russkuyu Pravoslavnyu Cerkov' i, v chastychnosti, v Troitse-Sergievskiy monastyr', – tema, nedostatochno issledovannaya v nauchnoy i cerkovnoy literaturne. No ee znachimost' vykhodit daleko za predely uglubleniya nauchnoy zna-

niya i vosstanovleniya podlinnoy istorii Russkoy pravoslavnoy cerkvi, ee vzaimootnosheniy s carskim dvorom i rossiyskim obshchestvom v celom. Unikalnost' i khudozhestvenno-istoricheskaya tsennost' vpolne konkretnoy chasty russkoy istorii i vzaimootnoshen-

ний православной церкви и высшей государственной власти – царских вкладов в Троице-Сергиеву лавру – является свидетельством подлинной роли церкви в сохранении национальной культуры. С этим неразрывно связано и значение православия для сохранения духовного стержня России как государства и как особой цивилизации.

Отношение царской власти к церкви и, в частности, вклады русских государей в Сергиеву обитель является важным моментом упрочения связи русской православной церкви с монаршей властью и российским обществом в целом, а также влияния церкви на развитие отечественной культуры. Троице-Сергиев монастырь (с 1744 года – Троице-Сергиева лавра) занимает уникальное место в истории, культуре и духовной жизни страны. Заложенный преподобным Сергием Радонежским (1314-1392) – величайшим святым Древней Руси – он стал не просто средоточием напряженных духовных исканий, но также эпицентром духовной жизни страны, символом духовного возрождения русского народа, а главное – отправной точкой, двигателем этого возрождения, превратившего Россию в великую державу. «Неоспоримым авторитетом и преимущественным положением» Троице-Сергиевой лавры среди других монастырей современный исследователь объясняет «предпочтение, которое отдавали Сергиевой обители представители всех слоев древнерусского общества» (Nikolaeva, 2000, с. 150).

Сложные перипетии средневековой истории русского государства не единожды непосредственно пересекались в Троице-Сергиевом монастыре, будь то Куликовская битва, на победу в которой благословил Преподобный Сергей в 1380 г. или освободительная борьба против польско-литовских интервентов (начало XVII в.) и т.д. Неизвестно, как сложилась бы российская история, если бы стены Троице-Сергиевого монастыря не спасли наследников царя Алексея от стрелецкого гнева в 1682 г. и молодого Петра I во время заговора Софьи (1698). Но превращение скромной монашеской обители в главный монастырь Русского государства было вполне закономерным и связано не только с огромным моральным авторитетом троицкого первоигумена. Оно отражало значимость духовных начал в создании и укреплении Государства Российского, роль этих начал в возникновении того исторического явления, которые ученые позже назовут российской цивилизацией.

Именно эти обстоятельства определило особое отношение Московских великих князей, а затем и самодержцев Всея Руси к Троице-Сергиевому монастырю, которую считали «царской обителью». «Заступником и крепким молитвенником, и скорым помощником, и кормителем всех царей российских» называл Сергея Радонежского Алексей Михайлович – «тишайший государь» (1629-1676) (Golubinskij, 1909, с. 115), все его наследники относились к святому Сергию как к покровителю царской династии.

Сознательно или не вполне осознанно, но Великие князья, а затем и монархи не начинали ни одного

важного государственного дела, не побывав «у Троицы» и не получив благословения, восходящего к духу Преподобного Сергея Радонежского. Но протяжении веков самодержцы совершали к Троице-Сергиевому монастырю богомольные походы. И всеми силами способствовали усилению влияния заложенной Преподобным Сергеем обители на церковную, а значит, и на всю российскую жизнь.

Одержанные над врагом победы, вступление на престол, рождение наследников или на «помин души» усопших и погребение на его территории – все эти значимые в жизни не только царской семьи, но и всей России события были ритуальными причинами богатых и разнообразных вкладов. Но даже значительного размера – например, 3 тысячи рублей, подаренных монастырю царицей Ириной по царю Федору Ивановичу, доходы Троице-Сергиева монастыря не определяли.

Венценосные жертвователи были только вершиной сложившейся с XIV века традиции дарения, к которой были приобщены более 600 древних русских княжеских, боярских и дворянских родов, духовные лица, торговые и служилые люди, в том числе и те, кого вряд ли можно было отнести к состоятельным сословиям. Царский пример вдохновлял представителей других социальных слоев российского общества. Еще в XVI веке примеру государеву последовали бояре из ближайшего царю окружения, в первую очередь, крупные феодалы, хотя средние и мелкие землевладельцы внесли в целом наиболее значительный вклад. Именно от них Троице-Сергиев монастырь получил наибольшее количество земельных пожертвований и наиболее значительные денежные средства – 55 тысяч рублей – сумму для того времени более, чем значительную. 10 тысяч рублей внесли в пользу монастыря представители духовенства и монахи. Ближайшее светское окружение монастыря – различные служки и служащие – к концу этого века ощутимо увеличили свои пожертвования. На этом фоне вклады крестьян, посадского и городского населения выглядели достаточно скромно.

Записи вкладных книг монастыря свидетельствуют о многочисленных вкладах представителей высших слоев феодального общества. Например, среди вкладчиков предметов церковного шитья, зарегистрированных во Вкладной книге 1673 г. находятся великий князь Василий III, и Иван Грозный, и удельный князь Владимир Старицкий, и новгородская боярыня Анастасия Овинова, и дьяк великого князя Обрюта Мишурин, и старец-монах Иов Курцев, и «именитые люди» купцы Строгановы. Записи Вкладной книги дополняют Кормовая книга, монастырские Описи и надписи на самих вещах, что дает возможность датировать большинство произведений шитья Загорского музея (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 117).

Уже в следующем, XVII веке, Троице-Сергиев монастырь получил около 3000 вкладов – на 20% больше, чем в предыдущем веке. Апогей дарения приходится на период самой большей опасности для русского государства – польско-литовской интервенции.

125 вкладов – самое большое число пожертвований за два века (XVI-XVII вв.) пришлось на 1609 год, когда отряды Сапеги и Лисовского осадили Троице-Сергиев монастырь. К концу века число пожертвований снижается, что однозначно свидетельствует о глубокой связи между национальным самосознанием русского народа и православной верой, главным хранителем и символом которой стал к тому времени Троице-Сергиев монастырь. Исследователи отмечают поразительный факт взлета количества вкладов в критические моменты истории страны, например, в 1547 г., когда в объёме пожаром Москве чернь взбунтовалась против Глинских, в 1571 г. когда хан Девлет-Гирей сжег Москву (Nikolaeva, 2000, с. 154-155). Конечно же, динамика количества вкладов отражала перипетии социально-политической и экономической ситуации в стране, но даже в самые неблагоприятные в этом плане годы они поступали в монастырь в количестве не менее 10-15.

Таким образом, очевидно, что благодеяния по отношению к монастырям – общенациональная и общесоциальная традиция. Но по отношению к Троице-Сергиевой лавре она обрела широкомасштабный характер, в первую очередь из-за общественно-политического и духовно-культурного значения Троице-Сергиева монастыря, связанного с именем его основателя Сергия. Немалую роль в утверждении политической и экономической мощи Троице-Сергиева монастыря сыграли его тесные связи с великокняжеским и царским домом. Все эти обстоятельства стали причиной ошутимого дарственного притока в его казну.

Важно отметить не случайный характер взаимоотношений между вкладчиками и монастырем – для многих семей, прежде всего, высших сословий русского общества, которые на протяжении длительного времени – десятилетий и даже столетий – совершали вклады в Сергиеву обитель. Более того, одним из важных причин вложений являлось пострижение в монастырь представителей этих семей, которое считалось почетным и способствовало укреплению связей монастырской братии и вкладчиков.

Конечно же, принесение вкладов, в том числе в Троице-Сергиев монастырь, их богатство и щедрость были на протяжении веков признаком религиозного благочестия и заслуживали уважительное признание со стороны общества. Однако общественное признание нельзя считать главным стимулом такого рода поступков. Поразительным фактом отечественной духовной истории является то, что для подавляющего большинства вкладчиков – независимо от происхождения, социального положения и уровня благосостояния – определяющим фактором дарения церкви любых ценностей – нередко значительных – ценностей было стремление средневекового человека к «устроению» своей души и душ своих предков и родственников (Nikolaeva, 2000, с. 150). Именно это – «устроение» души – было главной причиной и двигателем принесения русскими людьми даров монастырям. Церковные вклады были

распространенным и доступным способом духовного обустройства не только своего личного мира, но и окружающей жизни в соответствии с законами, по которым жила церковь и которые лежали в основе православной веры.

Исследователи свидетельствуют, что, например, в XVI в. Троицко-Сергиев монастырь получил 2374 вкладов. Ежегодно количество вкладов составляло не менее 20. Традиционно единичный вклад составлял 50 рублей. Эта огромная для того времени сумма становилась посильной, разбитая на части и адекватно компенсируемая вещами и продуктами (Nikolaeva, 2000, с. 152-153). Очевидно, что главный смысл имел не размер вклада, а сам факт дарения, устанавливающий для каждого вкладчика человеческую и духовную связь с Сергиевой обителью.

Однако наибольшую ценность представляли собой вклады, представляющие православные реликвии – именно они имеют высокую художественную ценность, возрастающую с течением времени. Русское искусство формировалось в духовной парадигме христианства сразу же после принятия единоверия и вплоть до XVII века. Художественные искания, развитие техники декоративно-прикладного искусства стимулировалось изготовлением богослужебных предметов, украшением икон, церковным шитьем, производством утвари. В православном русле развивалась и отечественная живопись – ее лучшие достижения, имеющие всемирное значение, связаны с фресками, иконами, иллюстрациями богословских книг.

Очевидно, что древнерусское искусство имеет православный характер, и лучшие образцы русского искусства этого периода представляют собой православные художественные сокровища.

Татаро-монгольское иго придавило свободное развитие древне-русского искусства, самые талантливые мастера были угнаны в плен, техника и культура изготовления произведений искусства были во многом утрачены. Но уже с середины XIV века возрождается ювелирное искусство, чеканка, скань, финифть, чернь, басма, литые из цветных металлов, глиптика, резьба по дереву достигают в руках одареннейших русских мастеров невиданной красоты и художественной выразительности.

Вклады представителей высших социальных слоев общества в Троице-Сергиеву лавру занимают видное место в сокровищнице русского декоративно-прикладного искусства. Их основу составляют вершинные достижения русского искусства того времени. Иконы и оклады, самые разнообразные – нередко высокохудожественные – произведения церковного шитья, богословские книги, драгоценная утварь, бытовая светская керамика – эти самые распространенные виды вкладов составляют уникальную совокупность декоративно-прикладного искусства Древней Руси, образцы которого представляют собой огромную художественную ценность. Причем особую роль стоит отвести царским дарам Троице-Сергиевому монастырю.

Среди царских вкладов множество бытовых серебряных изделий – чарки, ковши, чаши и братины – выполнены в национальных традициях, украшены чеканкой, гравировкой, многоцветными эмалями. Уникальной художественной ценностью выделяется золотой потир (чаша для причастия) из красновато-желтого мрамора, окаймленная по краю орнаментом, выполненным сканью. Это первый пример технически идеальной золотой скани высокого рельефа, который известен исследователям русской культуры к середине XV в. Чаша подарена Троице-Сергиеву монастырю Василием Темным и имеет подпись мастера, изготовившего ее, что нечасто мы встречаем на подобных изделиях: «А делал Иван Фомин». Данные палеографического анализа свидетельствуют о московском происхождении автора (Rybakov, 1948, с. 657-658) и, это не случайно, к XVI в. Москва становится центром развития прикладного искусства. Некоторые из замечательных образцов средневекового русского искусства также подписаны: чарка с изображением Самсона, раздирающего пасть льву (XVI век) принадлежала стремянному конюху Ивана Грозного Петру Никифоровичу Никитину.

Нельзя не упомянуть в этой связи наиболее монументальное произведение из государевых даров монастырю – серебряную раку, подаренную в 1584 (или 1585?) году Троице-Сергиеву монастырю Иваном Грозным. Крышка этого замечательного произведения декоративно-прикладного искусства представляет собой надгробную икону с изображением Преподобного Сергия, украшенную золотым окладом с чеканным узором из трав и цветов.

Следует отметить еще одно вложение в монастырь Ивана Грозного – оригинальный подвесной подсвечник – кандило, представляющий собой серебряный шар, с четырех сторон примыкающие к нему золотые змейки поддерживают шандалы для свечей. На цепочках из пасти каждой змейки свисают узорные плашечки с царскими эмблемами, а вертикаль подсвечника снизу украшает массивная кисть из пряденого золота.

Выдающимися образцами русского прикладного искусства являются венцы и подвески к венцам сделанные для украшения знаменитой «Троицы» Андрея Рублева. Считается, что этот вклад Ивана Грозного по уровню своего художественного исполнения, не имеет себе равных. Здесь до совершенства доведена чеканка по золоту, представляющая собой искусный растительный орнамент, а короны с накладными золотыми лепестками расцвечены эмалью.

Особого упоминания заслуживает икона Сергия Радонежского (конец XV века), принадлежащая мастеру школы Дионисия. Это поясное прямолинейное изображение Сергия Радонежского, окруженное сценами из его жития. Колористическое решение здесь немного беднее, чем на иконах кисти самого Дионисия, однако, композиция, тонкие черты лица и фигуры не оставляют сомнений о принадлежности автора к школе великого мастера. По записи Вкладной книги 1673 г. эта икона также подарена Иваном Грозным.

Не меньшую художественную и историческую ценность имеют вклады Бориса Годунова – лучшие образцы искусства черни по золоту. Еще в 1589 году он подарил Троицкому монастырю золотые богослужебные предметы — потир и две тарели, украшенные гравировкой, чернью по золоту, а также драгоценными камнями в золотых высоких оправках. Еще одним даром монастырю стал новый оклад «Троицы» Андрея Рублева с искусной чеканкой и чернью по золоту. Характерной чертой предметов прикладного искусства времени Бориса Годунова стала неизменная роскошь, высокий уровень исполнения и обилие драгоценных камней. Новый оклад иконы также обладает этими характеристиками. Золотые венцы на ликах ангелов просто усыпаны изумрудами, рубинами, сапфирами. К этому окладу в 1626 году были добавлены золотые цаты (нагрудные украшения), подаренные царем Михаилом Федоровичем, а также серебряная золоченая чеканная риза, сделанная в 1754 году.

Среди даров Бориса Годунова монастырю выделяется и драгоценная митра (головной убор архимандрита для богослужения), выполненная с виртуозным мастерством, она поражает своей роскошью, обилием жемчуга и драгоценных камней, тем ни менее сочетающихся с большим художественным вкусом.

К искусству середины XVII в. принадлежат царские врата 1643 г. из иконостаса Троицкого собора. Во «Вкладной книге» 1673 г. сохранилась запись: «152 [1643] году сентября в 19 день государь царь и великий князь Михаило Федорович всея Руси пожаловал прислал в дом живоначальные троицы столником с Тимофеем Лодыгиным да золотые и серебряные полаты с подячим з Богданом Силиным в церковь живоначальные троица двери царские. На створех благовещенные пречистые богородицы и евангелисты чеканные с финифтом» (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 104). Царские врата, подаренный монастырю государем Михаилом Федоровичем украшают иконостас Троицко-Сергиева собора. Сегодня царские врата состоят из шести древних изображений и еще двух, добавленных в 1777 г. Вероятнее всего это выдающееся произведение было выполнено в царских мастерских в Москве (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 105).

Особое место в сокровищнице Троице-Сергиева монастыря занимают произведения художественного шитья – особого изобразительного искусства, достигшего в древней и средневековой Руси невероятной художественной выразительности. Формировался этот вид изобразительного искусства под влиянием Византии, однако, со временем, приобрел свои оригинальные приемы и средства выражения. Нередко произведения русского шитья отправлялись в греческие монастыри в качестве драгоценных даров. Среди вкладчиков, подаривших различные высокохудожественные образцы этого искусства в Троицкий монастырь, были великий князь Василий III и Иван Грозный.

Большую группу лицевого шитья представляют «подвесные пелены». «Каждая икона имеет сораз-

мерную со своей величиной пелену, спускающуюся до земли; на ней вышито то же изображение, что на иконе», – свидетельствует Павел Алеппский, описывающий Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря. – «Шитье на пеленах было исполнено так искусно, что казалось, что сверху донизу всё икона, что изображение на доске и шитье на материи – одно и то же» (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 115).

Еще одна пелена связана с именем второй жены Ивана III, племянницы последнего византийского императора, «царевны царьгородской» Софии Палеолог, и выполнена в великокняжеской мастерской:

Пелена относится к непростому времени для княгини и была создана, по-видимому, после снятия опалы с нее и ее сына Василия, провозглашенного позже наследником престола. Композиция произведения искусства построена по принципу житийной иконы и имеет изображения святых, имена которых носил Иван III, патронов сына Василия, покровительницы великокняжеской семьи и покровителей императорского Византийского дома, изображением икон «Благовещение» и «Вознесение», видимо связанные с датой рождения Василия. Таким образом, пелена является молитвой княгини за своего сына (Šerkin, 1954, с. 8-12).

Ей же принадлежали и подаренный монастырю два «сударя» (покровцы). К сожалению, не сохранился числящийся по Вкладной книге «Покров отлас черн на нем крест да схима с херувими, шиты золотом и серебром, у херувимов венцы жемчужом сажены» (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 126), который был подарен монастырю второй женой Василия III Еленой Глинской. Однако полное представление о его художественных особенностях дает близкий по композиции покров, – вклад (1557 г.) Ивана Грозного и его первой жены Анастасии Романовны, известной своим тонким художественным вкусом и рукоделием. В нем сочетаются художественные традиции XV и XVI столетий. Разноцветными шелками и золотом на коричневом атласе вышиты иерусалимская стена, гора Голгофа, над ними возвышаются крест и «орудия страстей». А вверху парят два плачущих ангела. Повторением этого красочного произведения является покров, подаренный в монастырь в 1575 г. сыном Анастасии царевичем Иваном Ивановичем и его женой Феодосией.

Заслуживает внимания покров, вложенный в монастырь в 1581 г. Иваном Грозным и его последней женой Марией Нагой. На нем изображен Сергей. Изображение монументально и даже несколько тяжеловесно, а украшения из жемчуга и драгоценных камней только подчеркивают величественный характер произведения.

Опись 1641 г. содержит сведения о покрове с изображением двух святых Сергия и Никона, которые изображены вполупоборот друг к другу и застыли в молитвенных позах. Этот покров значителен как вклад Федора Иоанновича:

«Повелением царя Ивана Васильевича... и при его Богом дарованных чадах благоверном царевиче князе

Иване Ивановиче благоверном царевиче Феодоре Ивановиче лета 7077 [1569] -го и сий покров положил... царь и Великий князь Феодор Иванович всеа Руси и его... царица и великая княгиня Ирина в дом Живоначальные Троица и преподобнаго Сергия Чудотворца и Никона лета 7100... [1592] (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 129)».

Во время реставрации покрыва оказалось, что эта надпись была нашита поверх остатков другой, вырезанной надписи. Специалисты предполагают, что изначально покров был сделан по заказу Ивана Грозного в 1569 г. для походной церкви, посвященной Сергию, а затем в 1592 г. подарен Федором Иоанновичем в Троице-Сергиев монастырь, для чего и заменили вкладную надпись, оставив в ней и первую дату (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 129).

Вкладом той же царской четы 1586 г. является также покров с изображением по голубой камке Никона Радонежского и Троицы над ним. Высокохудожественное шитье шелком и золотом сохраняет композицию и колорит Рублева.

Среди вкладов государевых конца XVI – начала XVII вв. высоким художественным достоинством отличаются изделия, выполненные в мастерской художественного шитья Годуновых. История сообщает, что царь имел огромные богатства и власть, которые позволяли ему содержать лучших мастеров того времени, талант и умения которых он умел разгадать (Solov'ev, 1960, с. 198). Современники говорят о Борисе Годунове как о «муже чудном», который «видом и умом всех превзошел» и был большим любителем и ценителем произведений искусства (Massa, 1937, с. 71, 98). Роскошь и невиданная дороговизна используемых материалов сочеталась в произведениях прикладного искусства, принадлежавших Годунову, с исключительным вкусом и высочайшим художественным качеством.

Следуя традициям московских самодержцев, Б. Годунов наиболее ценные и высокохудожественные вещи дарил Троице-Сергиеву монастырю. Особым ювелирным совершенством отличается «жемчужная пелена», подаренная Годуновым в 1599 г., вскоре по избрании его на царство. Именно она в особо торжественных случаях подвешивалась под наиболее чтимую в Троицком монастыре икону – «Троицу» Андрея Рублева. Обилием жемчуга выделяются покрыва с «Богоматерью Знамение» и «Агнцем в дискосе», где этот ювелирный материал был использован не только для украшения надписей и изображения нимбов, но и для всех контуров рисунка. Оба покрыва были принесены в дар монастырю еще боярином Борисом Годуновым, а вот покрыва с «Христом во гробе» уже повелением самодержца в 1604 нелегком году, когда к Москве через литовскую границу выдвинулись войска интервентов.

В царских мастерских был шит и прекрасный покров с изображением Сергия Радонежского, упоминающийся в описях, как вклад 1610 г. царя Василия Шуйского, который он сделал по снятию осады с Троицкого монастыря.

Четкостью рисунка и проработкой каждой детали известна пелена с изображением Николая Чудотворца, вероятно употреблявшаяся как житийная икона. Этот дар царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны характеризуется искусной вышивкой, где можно разглядеть даже морщинки на лице популярного на Руси святого. Тонким и редким по своей технике двусторонним шитьем выделяется хоругвь «Явление Богоматери Сергию» также принесенная в дар царской четой с молением о здоровье новорожденного сына Дмитрия.

Более характерными образцами шитья XVII в. являются два покрыва, очень близкие по художественным приемам и технике исполнения. Один с изображением игумена Никона принесен в дар по повелению царя Алексея Михайловича и патриарха Филарета Никитича, второй с изображением Сергия Радонежского по повелению царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны. Кажется, что в этом шитье сосредоточились художественного искания этого вида искусства XVII в. Иконографический стиль утрачен, сильно заметно стремление к гипертрофированной декоративности, свойственной ювелирным изделиям, которым мастера шитья начинают подражать с конца XVI в., отказываясь от выявления объема светотенью и полутонами. Изображение становится плоскостным. Только в XVIII в. вновь появляются работы с объемной трактовкой лиц и фигур, но уже вследствие влияния светской живописи.

Приведенные примеры являются описанием лишь небольшой части царских вкладов, принадлежавших разным векам русской истории, тем не менее они дают представление о значимости даров государевых Троице-Сергиеву монастырю для русского искусства и их сохранения для русского общества, его идентичности и для развития отечественной культуры в целом.

Собранные благодаря государевым вкладам и вкладам лиц высших сословий образцы живописи и прикладного искусства, представляют непрерывную историю развития русского искусства с конца XIV в. и до самого XVIII в. лучшими произведениями своего времени, свидетельствующими о высоком уровне развития художественной культуры.

По сути дела многовековая практика изготовления уникальных произведений и их дарения церкви стало значимым фактором развития художественной культуры России с древних времен. Известно, что в стенах Московского Кремля издавна концентрировались лучшие творческие силы. Дары царской семьи никогда не были формальными – в них цари и царицы, великие князья и княгини всегда вкладывали всю свою душу, каждый предназначенный для вклада предмет имел не только высокую художественную ценность. В него закладывался сакраментальный смысл, связанный с событием, служившим поводом дарения. Выдающиеся мастера своего времени изготавливали подарки в мастерских Золотой и Серебряной палат, составляющие ныне гордость русского искусства. Покровительство государей православному искусству становилось дей-

ственным стимулом развития отечественной художественной культуры в целом.

В результате Троице-Сергиев монастырь стал обладателем целой коллекции замечательных художественных произведений православного искусства – шедевров отечественной и мировой культуры. Конечно же, такая богатая коллекция стала результатом кропотливой работы по собранию и сбережению произведений самих троицких мастеров, а также изготовленных по заказу монастырского начальства, но главной составляющей этой уникальной коллекции стали вклады представителей высших сословий и, прежде всего, Великих князей и государей России.

На фоне известных политических потрясений XX века, перекроивших лицо страны, в условиях гонений на православную церковь, принимавших бесчеловечные формы разрушений исторических памятников, физической расправы над священниками, факт сохранения бесценной культурно-художественной сокровищницы Троице-Сергиевского лавры представляет собой удивительное явление. Никакие политические соображения и идеологические догмы не смогли уничтожить уникальный историко-культурный феномен, который неразрывно связан с корневой основой национальной художественной и духовной культуры.

Вклады, скрупулезное описание которые из года в год, из века в век вели троицкие монахи, оказались неоценимым вкладом в историю отечественной художественной культуры, бесценным не только с точки зрения художественной значимости. Но и той неопровержимой новымя веяниями основой российской духовности, которая составляет стержень российской цивилизации. Церковь не только сохранила художественные произведения величайшей ценности, она стала хранителем этого духовного стержня, показывая не только образец служения идеалам православия, своему народу и стране, но и показывая спасительную для Государства Российского перспективу исторического выживания в новую эпоху.

Национализация всех художественных и исторических богатств страны после Великой Октябрьской социалистической революции, казалось бы, отодвинула церковь от главного направления духовного развития страны. Но логика истории вынудила отказаться от перекосов отчуждения от национального культурно-художественного наследия, заставила начать огромную работу по изучению и сохранению этого наследия в целях «возможно полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России», как было сообщено в газете «Известия ВЦИК», 1918 г. (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 13).

Уже 20 апреля 1920 г. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры». Архитектурный ансамбль лавры объявлялся неприкосновенным и вместе с коллекцией передавался в ведение Народного комиссариата просвещения «в целях демократизации художественно-исторических

зданий, путем превращения этих зданий и коллекций в музей» (Voronin, Kostočkin, 1968, с. 13).

Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник создавался с привлечением лучших специалистов и крупнейших деятелей культуры того времени. В состав Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры входили и представители Русской Православной церкви: П.А. Флоренский, Ю.А. Олсуфьев, А.Н. Свиринов, Т.Н. Александрова-Дольник, П.Н. Каптерев, И.Е. Бондаренко и другие. В относительно короткий промежуток времени были зарегистрированы собрания художественных ценностей, рукописей, мебели, хранившиеся в Троице-Сергиевой Лавре, а также библиотеке Московской Духовной академии, в Вифанской семинарии. Начала проводиться научно-исследовательская и издательская деятельность. Как сообщает история музея, первичное описание коллекции (около 10 тыс. ед.хр.) стало началом его организации, в комиссию по созданию музея вошли крупнейшие русские ученые: И.Э. Грабарь, П.П. Муратов, Н.М. Щекотов, М.С. Сергеев. Его первым директором стал художник и общественный деятель В.Д. Дервиз, а хранителем – историк искусства А.Н. Свиринов (*Sergievo-Posadskij gosudarstvennyj istoriko-hudožestvennyj muzej-zapovednik*, 2019). Уже в изданном в 1919 году сборнике «Троице-Сергиева Лавра» были показаны не только богатство и уникальность монастырского собрания древнерусского искусства, но и его выдающаяся значимость для развития отечественной духовной и культурной жизни. В 1920-е годы сокровища древнерусского искусства были представлены в экспозициях и выставках. Однако возобладавший в 1930-е гг. антирелигиозный настрой в политике привел к фактическому закрытию уникального художественного наследия для широкой публики.

После Великой Победы 1945 года, в которую свою роль сыграла и Русская Православная церковь, начался религиозный подъем, заработал мужской монастырь, возобновилось богослужение в храмах, стала возрождаться и работа музея. Именно тогда началось интенсивное изучение лаврской коллекции, стали проводиться конференции. Появились первые после 1920-х годов публикации. За несколько лет была проведена полная реэкспозиция музея на основе генплана, разработанного еще в 1944 г. Новая экспозиция получила высокую оценку авторитетных ученых В.Н. Лазарева и С.В. Бахрушина (*Sergievo-Posadskij gosudarstvennyj istoriko-hudožestvennyj muzej-zapovednik*, 2019). Обретают системный характер и научную основу изыскания в сфере древнерусского искусства, это дало толчок изучению народного и современного декоративно-прикладного искусства.

Экспозиции музея «Древнерусское искусство XIV-XVII вв.» (1946 г.); «Народное художественное творчество» (1947 г., переделывалась в 1952 г.); «Русское искусство XVIII» (переделана в 1954 г. в новую – «Русское прикладное искусство XVIII-XIX вв.») фактически

открыли нашим современникам мир художественной культуры древней и средневековой Руси. В 1970-е годы на новом этапе развития музея, были созданы экспозиции «История Троице-Сергиевой лавры», «Некрополь Троице-Сергиевой лавры», «Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры и методы его реставрации», «Древнерусская живопись XIV-XVII вв.», «Древнерусское прикладное искусство XIV-XVII вв.», «Русское искусство XVIII- начала XX вв.», «Русское народное искусство XVIII- начала XX вв.», «Современное декоративно-прикладное искусство». Современники наконец-то получили целостное представление о развитии русского искусства на протяжении семи веков, смогли оценить значимость Троице-Сергиевой лавры в истории России. Учитывая уникальность памятников архитектуры и представленных в музее художественных ценностей 24 января 1969 г. Совет Министров РСФСР объявил Сергиев Посад (Загорск) туристским центром и включил в число городов, составляющих Золотое кольцо России (*Sergievo-Posadskij gosudarstvennyj istoriko-hudožestvennyj muzej-zapovednik*, 2019).

Собрания Троице-Сергиевой лавры, основу которых составляли вклады русских царей, стали важнейшим фактором развития современной художественной культуры, определили глубинные основания социокультурной идентичности русского человека второй половины XX – начала XXI веков. Эти важнейшие сдвиги в духовной культуре и национальном самосознании наших соотечественников были поддержаны и активизированы в условиях нового этапа развития страны после 1991 года. В 1992 году распоряжением Президента России Сергиево-Посадский музей-заповедник был отнесен к особо ценным объектам национального культурного наследия Российской Федерации (*Sergievo-Posadskij gosudarstvennyj istoriko-hudožestvennyj muzej-zapovednik*, 2019).

Ныне логика исторического развития страны вернула церкви то место, которое она занимала в духовной жизни народа. Сегодня в одном из крупнейших собраний русского искусства – Сергиево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике сосредоточены художественные ценности, имеющие непреходящее значение для отечественной культуры. Не случайно Д.С. Лихачев назвал его «Эрмитажем русской культуры». Созданный в 1920 году на основе художественных сокровищ Троице-Сергиевой Лавры, музей стал уникальным хранителем памятников художественной культуры России.

Собрание, включающее в себя свыше 170 тыс. экспонатов музея представляют собой не только художественную ценность. Огромный вклад церкви в русскую культуру свидетельствует о том, что церковь имеет непосредственное отношение и стержневое значение для российской культуры, представляет собой корневую систему российской культуры и российской духовности. Однако значимость церкви проявляется не только в исторической ретроспективе, но и в сегодняшней жизни россиян. Нынешнее состояние российской

культуры и искусства с особой силой подчеркивает системообразующую роль церкви в развитии и сохранении идентичности современной русской культуры как национального самосознания русского народа.

Реальные изменения, происходящие ныне в духовном поле России, делают особенно важным исследование тех основ, на которые опирается история отечественной духовности. Эти духовные основы складывались из реальных деяний наших предков, представителей всех сословий Руси от монархов и боярской знати, купечества до простых крестьян и ремесленников, и, конечно же, самого духовенства. Поэтому освещение, казалось бы, достаточно конкретного вопроса – вкладов русских государей в Троице-Сергиев монастырь – раскрывает механизмы и практику не только благодеяний верховной власти, российского дворянства и «простолюдинов», их сильного вклада в устройство духовной мощи и умножение художественной сокровищницы отечествен-

ного искусства. Главный вывод из представленного ниже краткого абриса этого узкого аспекта взаимоотношений российского монаршего дома и русской православной церкви состоит в том, что православная твердыня является незыблемой опорой, на которой развивалась и процветала отечественная культура и российская духовность.

Вся история Отечества свидетельствует о неразрывности связи российской духовности с православием как внутренней основой целостности государства, народа и церкви. В силовое поле этой духовности органично влились неправославные народы, исповедующие другие религии, но это только обогатило духовную культуру России, укрепило ее внутреннюю силу, проявившуюся не раз в годы испытаний.

Церковь не определяет политическое будущее страны. Но это будущее не состоится без той духовной традиции, носителем и хранителем которой является Русская православная церковь.

Bibliografia

- Golubinskij, E. (1909). *Prepodobnyj Sergij Radonežskij i sozdanaâ im Troickaâ lavra*. Moskva. [Голубинский, Е. (1909). *Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра*. Москва].
- Massa, I. (1937). *Kratkoe izvestie o Moskovii v načale XVII v.* Moskva. [Мацца, И. (1937). *Краткое известие о Московии в начале XVII в.* Москва].
- Nikolaeva, S. (2000). *Troice-Sergiev monastyr' v XVI-načale XVIII veka: sostav monašeskoj bratii i vkladčikov*. Moskva. [Николаева, С. (2000). *Троице-Сергиев монастырь в XVI-начале XVIII века: состав монашеской братии и вкладчиков*. Москва].
- Rybakov, B. (1948). *Remeslo Drevnej Rusi*. Moskva. [Рыбаков, Б. (1948) *Ремесло Древней Руси*. Москва].
- Šepkin, M. (1954). *Izobraženie russkihistoričeskikh lic v šit'e XV v.* W: Trudy GIM. XII. 1954. s. 8-12. [Щепкин, М. (1954). *Изображение русских исторических лиц в шитье XV в.* W: Труды ГИМ. XII. 1954. s. 8-12].
- Sergievo-Posadskij gosudarstvennyj istoriko-hudožestvennyj muzej-zapovednik*. (2019). [online] <http://www.museum-sp.ru>, [19.09.2019] [*Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник*. (2019)].
- Solov'ev, S. (1960). *Istoriâ Rossii s drevnejših vremen*. Moskva. [Соловьев, С. (1960). *История России с древнейших времен*. Москва].
- Voronin, N., Kostočkin, V. (1968). *Troice-Sergieva Lavra: hudožestvennye pamâtniki*. Moskva: Iskusstvo [Воронин, Н., Косточкин, В. (1968). *Троице-Сергиева Лавра: художественные памятники*. Москва: Искусство].